

Н. И. Толстой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том III

ОЧЕРКИ
ПО СЛАВЯНСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

**ББК 81.2Р
Т 53**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16427*

Толстой Н. И.

Т 53 Избранные труды. Том III. Очерки по славянскому языко-
знанию. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 464 с.

ISBN 5-7859-0081-5

В томе III публикуются статьи акад. Н. И. Толстого по славянскому языкознанию, объединенные в четыре тематических раздела. В первом разделе обсуждаются общие вопросы этногенетической интерпретации данного языка и традиционной духовной культуры, а также связанные с ними проблемы славянской ареалологии. Во втором — содержатся конкретные исследования нескольких ключевых проблем сравнительной грамматики славянских языков (первая палатализация задненебных, происхождение постпозитивного артиклия) и палеославистики (семантика кратких и полных прилагательных в старославянском языке). В третьем — предлагается анализ трех явлений из болгарской диалектной фонетики и грамматики. Четвертый раздел включает статьи по истории славистики, в которых анализируются работы И. И. Срезневского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Д. К. Зеленина, Д. Джировича, Р. Башковича. В приложении помещена библиография трудов акад. Н. И. Толстого и литературы о нем.

Книга адресована как специалистам по славянскому языкознанию, так и более широкому кругу читателей, интересующихся перечисленными темами.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su)
the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk)
has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства
«Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма
G·E·C GAD.

© Н. И. Толстой, 1998
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7

Часть I

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии	10
Этногенетический аспект исследования древней славянской духовной культуры.....	31
Неравномерность развития звеньев языковой и мифологиче- ской системы в этнолингвистическом аспекте.....	40
К вопросу о классификации славянских диалектов	48

Часть II

МАТЕРИАЛЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ И ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке.....	52
К вопросу о судьбе славянских кратких и полных прилагательных	171
Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла	191
Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах	194
О непоследовательности первой палатализации задненебных согласных в славянских языках	197
1. Слова с корнем *gég-	198
2. Слова с корнем *ger-	205
3. Слова с корнем *kek-	208
4. Слова с корнем *kev-	214
5. Слова с корнем *ker-	218

Ч а с т ь III
Из блокнота диалектолога

Странджанский предикатив <i>нѣма</i>	228
Рефлекс <i>ѣ</i> и <i>'а</i> в говоре Кондолово (Мързево)	236
Контракция гласных в с. Горска Поляна, Елховско	242

Ч а с т ь IV
Из истории славистики

Опыт карты праславянских диалектов Д. П. Джуровича.	
1913 г.	252
И. И. Срезневский—диалектолог	267
О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку	285
О некоторых этнолингвистических наблюдениях	
А. А. Потебни.....	302
Д. К. Зеленин—диалектолог	316
Предисловие к книге Р. Башковича «Основы сравнительной грамматики славянских языков»	331

* * *

Курс «Введение в славянскую филологию» и его отношение к курсу «Старославянский язык»	346
--	-----

Литература	357
Первые издания публикуемых работ	386

П р и л о ж е н и е

Библиография печатных трудов Н. И. Толстого.....	390
Литература о жизни и трудах Н. И. Толстого	441
Основные даты жизни и деятельности Н. И. Толстого	456

Сокращения	462
------------------	-----

От редактора

Настоящим, третьим томом завершается издание «Избранных трудов» Н. И. Толстого по языкоznанию. Вместе с книгами «Славянская географическая терминология» (М., 1969) и «История и структура славянских литературных языков» (М., 1988) «Избранные труды» (т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997; т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998) достаточно полно представляют лингвистическое наследие ученого (тогда как многочисленные публикации Н. И. по проблемам традиционной духовной культуры, рассеянные по разным сборникам, еще ожидают своего переиздания). Неопубликованной остается докторская диссертация Н. И. «Опыт семантического анализа славянской географической терминологии» (М., 1972, т. I–III, 923 с.); в архиве хранятся работы, которые автор считал неоконченными; несколько статей находится в печати. Некоторые лингвистические работы, касающиеся этнокультурных аспектов языка, переизданы в книге: Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Состав и структура настоящего тома определены самим автором. В отличие от первых двух томов, посвященных магистральным для научного пути Н. И. темам и представляющих собой по существу монографии, которые лишь по условиям своего времени не могли быть опубликованы в виде книг, третий том не является монографией и не составляет в тематическом отношении единого целого. Тем не менее вопросы фонетического и грамматического развития славянских языков и диалектов, не будучи центральными, неизменно входили в круг интересов Н. И. — и в связи с его работой над кандидатской диссертацией о полных и кратких прилагательных в старославянском языке, и в связи с чтением им на протяжении нескольких десятилетий университетских курсов по введению в славянскую филологию, по старославянскому языку и др., и, наконец, в связи с его многолетней полевой диалектологической работой в Бессарабии и Приазовье, в Болгарии и в Полесье. Отличительной

чертой работ этого круга, объединяющей их с другими исследованиями того же автора, является их «погруженность» в лексику, стремление проследить действие фонетических и грамматических законов на всей толще лексического материала со специальным вниманием к периферии, к лексическим и семантическим ограничениям в действиях правил, к колебаниям, непоследовательностям, конкуренции форм и т. п.

Особое место в наследии Н. И. занимают труды по истории славистики. В разное время ему приходилось писать о таких выдающихся ученых прошлого и нынешнего века, как Потебня и Срезневский, Бодуэн де Куртенэ и Трубецкой, Караджич и Даничич, Виноградов и Ларин, Мошинский и Унбегаун и многие другие. Это были специальные исследования, предисловия к книгам и публикациям, юбилейные статьи, некрологи. У Н. И. была потребность обращаться к предшественникам и вдумываться в логику развития научных идей. Ему было присуще живое ощущение причастности к великой научной традиции и ответственности перед ней.

Дополнительно к работам, отобранным автором, в третий том включена полная библиография трудов Н. И. Толстого и библиография литературы о нем, оказавшейся доступной на сегодняшний день.

В подготовке тома к печати принимали участие Н. А. Замятин и М. Н. Толстая.

I

Славянские языки и культура в историческом и этногенетическом аспекте

О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии

Проблема центра и периферии в географическом, а не структурно-грамматическом плане возникла почти одновременно с зарождением ареального исследования языков. Уже теория волн патера Иоганна Шмидта поставила вопрос о противопоставленности «основного», как полагал исследователь, очага индоевропейских языков их окраинному западному ареалу, вопрос о так называемой лингвистической непрерывности, о переходных зонах и общих чертах географически соседствующих языков. И. Шмидт осознал проблему центра и периферии как проблему соотношения инноваций и архаизмов. Ему и принадлежит знаменитая образная аналогия, по которой отдельные инновационные языковые явления распространяются из центра с убывающей силой подобно кругообразным волнам от брошенного в воду камня (см. Серебренников, 1957; Серебренников, 1977).

Свое наибольшее применение идея противопоставленности центра и периферии нашла на материале романских языков. При изучении диалектов современной Румынии, помимо отмеченных выше в связи с идеями И. Шмидта проблем, возникли проблемы этнического субстрата, «хронологии», т. е. разного времени заселения романоязычным этносом отдельных территорий нынешней Румынии, государственных образований после постепенного распада Римской империи. При решении проблем «центра и периферии» со временем все большую роль стал играть лексический материал, упорядоченный в виде лингвистических карт, сопоставлений, словарей и т. п.¹.

¹ Известно, что в романistique при решении проблемы диалектного членения современной Румынии представителями «субстратной» теории были Г. Шухардт и Г. Асколи, «колонизационно-хронологической» — Г. Грёбер, «государственной» — В. Майер-Любке и др. В связи с затронутыми теориями и вопросами на индоевропейском материале можно указать на труды М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пи-

Нашей целью является краткое определение основного комплекса проблем, связанных с глобальной лингвогеографической темой центрального и периферийного ареалов, — комплекса, выявляющегося отчасти на индоевропейском, в большей мере на романском языковом фоне, и рассмотрение его на фактах современных славянских языков и диалектов. Естественно, что проблемы, выявляющиеся на романской основе, ближе к задачам исследования славянского языкового континуума и в хронологическом, и в типологическом, и в географическом аспекте, чем на основе индоевропейской.

Основные проблемы, на наш взгляд, сводятся к следующему. Во-первых, взаимоотношение центра и периферии может быть рассмотрено в современном чисто пространственном, вернее пространственно-типологическом, плане в целях обнаружения территориально противопоставленных элементов. Во-вторых, соотношение центра и периферии может быть гипотетически дополнено известным содержанием, значимым исторически или историко-генетически, прежде всего признаком «инновация—архаизм». В-третьих, может быть поставлен вопрос о внелингвистических причинах этого соотношения: проблема субстрата, проблема миграционных волн (их хронология), затем проблема образования государств, княжеств, их границ и т. п.

С отмеченными моментами связана проблема интерференции и взаимопроницаемости близкородственных языков и диалектов и вопрос о постепенной, «тотальной» переходности лингвистического ландшафта в крупных ареалах или массивах. Существен и вопрос хронологической направленности исследования: стремиться ли к характеристике современного состояния или на его основании — к реконструкции более ранних эпох, вплоть до эпохи славянской прародины (позднего или среднего периода), а также вопрос о ситуации в отдельных ареалах и подареалах (подзонах) в пределах всего славянского языкового мира, затем в южно-, западно- и восточнославянских массивах и даже в отдельных зонах типа русского Севера, Полесья, Восточной Болгарии и т. п. Будем, однако, вести речь обо всей Славии в целом, притом о современной Славии, а не о «доисторической».

зани, Дж. Девото и др. Однако это не входит в нашу задачу, тем более что рассмотрению взглядов этих ученых посвящены отдельные работы на русском языке, где указана литература (см. Макаев, 1964; Бородина, 1977; Десницкая, 1977).

Если исключить азиатские славянские территории — земли относительно поздней колонизации, современная Славия может быть представлена как некий прямоугольник или ромб с крупными островными включениями венгерской и румынской иноязычной среды. При проведении двух условных диагоналей и при учете различной плотности распределения языков и диалектов в географическом пространстве центр окажется где-то в Карпатах, а без учета плотности центр слегка переместится на северо-восток, ближе к Полесью. Во всяком случае Карпаты и Полесье находятся на границе западно- и восточнославянских языковых групп (комплексов). Карпаты же при этом до конца IX в. были южно-западно-восточнославянским пограничьем.

Лингвистическая непрерывность, т. е. зоны переходных говоров, наблюдаются в современной Славии лишь в пределах отдельных славянских языковых групп: восточнославянской, южнославянской и западнославянской. Типичными представителями переходных зон являются Смоленщина на белорусско-великорусском пограничье, хотя в общеславянском масштабе типологически, при исключении момента национального самосознания этноса, белорусские говоры можно было бы рассматривать как русские, как это делали Н. Н. Дурново и Е. Ф. Карский в своих трудах в 1924 г. (Дурново, 1924; Карский, 1924), средневеликорусские говоры между массивами северно- и южновеликорусских говоров, затем шопско-торлакские говоры между болгарским и сербскохорватским основными массивами, кайкавское наречие между словенским и сербскохорватским языками, востчноморавские говоры и крайнезападнословацкие между остальными чешскими и словацкими диалектными группами и т. д. Переходность и «непрерывность» еще ярче выступают при рассмотрении говоров в более мелких масштабах. (См.: Stieber, 1938; Dejna, I-II; Utěšený, 1960; Ивић, 1957–1958; Назарова, 1965, а также работы М. Малецкого, Ф. Травничка, А. Келлнера, Я. Белича, М. Карася, Е. Лотко, П. А. Бузука, Ф. Т. Жилко и др.).

Характерно, однако, что переходных говоров между отдельными группами славянских языков — южно-, западно- и восточнославянских — нет. Правда, южные славянские языки отделены от западных и восточных широким венгерско-румынским языковым поясом, но западные с восточными смыкаются на большом протяжении и издавна, а пере-

ходные говоры все-таки не существуют. Случай с русинским литературным языком особый, и в нем мы все же наблюдаем уже литературноязыковой феномен, а не диалектный².

Обратимся к некоторым общеизвестным, хрестоматийным фактам, необходимым, однако, для рассмотрения интересующей нас проблемы.

Славянские языки делятся на три основные группы (восточную, южную и западную) на основании десятка историко-фонетических показателей-признаков. Они могут быть дополнены рядом признаков морфологического и словообразовательного характера (приставки *vu-*, *iz-*, суффикс *-aса* и др.). Среди них наиболее релевантны: 1) судьба начальных сочетаний **kv-*, **gv-* перед **e₂* (из **oɪ*), 2) судьба сочетаний **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, 3) судьба начальных **ort-*, **olt-* под циркумфлексной интонацией, 4) судьба сочетаний **tl*, **dl* (*radlo*, *modlitva*), 5) судьба *l*-эпентетикум, 6) судьба слоговых плавных в определенных сочетаниях, 7) начальное *je* или *o-* (језеро/озero), 8) судьба сочетаний **tj*, **dj* и др. Последний признак, т. е. судьба **tj*, **dj*, обособляет, как известно, каждую группу славянских языков и даже отдельные южнославянские языки (диалекты).

Ряд черт объединяет южные и восточные славянские языки: переход *kv-*, *gv-* в *sv-*, *zv-*; утрата *t* в сочетаниях *tl*, *dl*; наличие *l*-эпентетикум (в X–XI вв. и в болгарском, и в македонском). Эти факты позволили А. А. Шахматову и другим ученым говорить о первоначальном разделении единого праславянского массива на западную часть (празападнославянские языки) и восточную (правосточно- и южнославянские языки) (Шахматов, 1916, с. 42–43).

Есть черты, объединяющие западные и южные языки Славии: начальное *je* (*јегеро*), сочетание *trat*, *tlat* в чешском и словацком языках (но *trot* в польском — *wrona*), началь-

² Диалект, на основе которого возник русинский литературный язык, вероятно, восточнословацкий со значительным числом украинизмов (не исключена возможность, что у прежних носителей этого диалекта в XVI–XVII вв. словацкая речь наслоилась на восточнославянскую — украинскую), вероисповедание у носителей диалекта — униатское, национальное самосознание — восточнославянское, «русинское» (реже украинское, еще реже русское), современное территориальное расположение — в среде южнославянского, сербскохорватского диалектного массива. (См. Дуличенко, 1972; Дуличенко, 1971; Duličenko, 1974).

ное сочетание *rat-*, *lat-* (из **ort-*, **olt-* под циркумфлексной интонацией) в среднесловацких говорах.

Ряд лексических соответствий побудил Ф. П. Филина в 1962 г., развивавшего идеи А. А. Шахматова, противопоставить «северославянский» ареал (западно- и восточнославянские языки) ареалу южнославянскому. В качестве материала использовались географические апеллятивы (*багно*, *болонь*), ботанические названия (*гриб*, *сосна*) и другие — типа *пирог*, *обилье*, *обух* и т. д. (Филин, 1962, с. 205–214). Через шесть лет, в 1968 г., с обширной аргументацией и тоже на примере географических терминов, топонимов и нескольких других слов (**krok-*, **nakъl-*, **sopot-*, а также **bar-*, **gvordъ*, **tyměpo* и др.), Е. Налепа выдвинул обратное положение — об общих элементах западно- и южнославянского ареалов и их противопоставленности восточнославянскому (Nalepa, 1968). Эти расхождения в подходах и взглядах связаны, вероятно, и с различными определениями территории славянской прародины — с «днепровской» гипотезой и гипотезой «висло-одерской». В нашу задачу, однако, сейчас не входит ни критика концепций Ф. П. Филина или Е. Налепы, ни тем более рассмотрение вопроса о славянской прародине.

Отметим только, что основные из приведенных историко-фонетических признаков служили некоторым лингвистам в качестве аргументов для построения схемы миграции славян из прародины. Эту схему в 1958 г. обобщил И. Хамм следующим образом. Еще в III в., т. е. до эпохи переселения народов, западные славяне отделились от основной массы остальных славян, не пережив изменения начальных сочетаний *kv-*, *gu-* в отличие от других славян. В III–IV вв. н. э. ряд славянских племен из оставшегося «восточного» массива устремился через Карпаты на юг, на Балканы. Эти племена в Паннонии контактировали вновь с западными славянами, с их южной частью — с прачехами и прасловаками — и пережили с ними общий процесс метатезы группы **tort*, **tolt* (**borda*, **golva*): польск. *broda*, *glowa*, чеш. *brada*, *hlava*, южнослав. *brada*, *glava*, русск. (вост.-слав.) *борода*, *голова*. Затем, в V–VI вв., проникают в Паннонскую низменность авары, а в конце IX в. — венгры, прочно отмежевавшие южных славян от западных, и уже результаты перехода **tj*, **dj* в другие согласные или сочетания согласных у западных, восточных и южных славян оказываются различ-

ными. Неодинаковы они, как хорошо известно, и в границах южнославянского массива. Западные славяне, добавляет к этому И. Хамм, обособляются еще сохранением в своем языке групп *tl*, *dl*, *l*-эпентетикум и особым результатом палатализации *x* (из *s*) > ё перед ё₂ (ср. чеш. дат. ед. *moiše* от *mouscha*) (Hamm, 1958, с. 5–6).

Естественно, что изложенная схема вызывает сомнения определенного порядка. Достаточно ли языковых фактов для предлагаемых исторических и хронологических построений? Столь ли прямолинейно или последовательно происходила дифференциация славянских языковых групп и языков? Подобные сомнения заставляли многих лингвистов искать новых, еще не введенных в обиход аргументов, нового материала, прежде всего в сфере топонимии (Nalepa, 1968; Stieber, 1974), славянских заимствований и реликтов в других языках (Bidwell, 1961) славянской апеллятивной лексики.

Тем не менее лингвистические факты, о которых шла речь, хотя и малочисленны и недостаточны для решения многих вопросов, в том числе и этногенетических, но все же приемлемы для того, чтобы служить ориентиром (или даже базой, исходной моделью) для ряда научных построений.

О чем же говорят эти факты в аспекте противопоставления центрального и маргинальных (окраинных) ареалов славянского мира? Они свидетельствуют о том, что славянский языковой мир делится на три значительные части — западную (северо-западную), южную (юго-западную) и восточную на основе пучков дифференциальных признаков, базирующихся на упомянутых фактах. При этом центр не противопоставлен периферии, а противопоставлены друг другу в различных комбинациях отдельные большие массивы.

Следует, однако, сделать одну оговорку. Зафиксировано несколько фактов, хотя и спорных во многих отношениях, когда именно на окраинах сохранились древние реликты, свидетельствующие, что в этих маргинальных микрозонах в отдельных случаях не прошел до конца тот или иной процесс, характерный для всей, скажем, южно- или западнославянской диалектной территории в целом. И эти случаи, в общем, также довольно известны в славистике.

Таково, например, сохранение группы согласных *tl*, *dl* в словенских корушских (каринтийских) говорах (Tésnière, 1933), вероятно, иrudиментарных *kl*, *gl* в древних и совре-

менных среднерусских псковских диалектах (*сáглице, же-рéгло, прицklась* [причлась], *поведли*), хотя есть и другие объяснения (Филин, 1962, с. 181–188; Филин, 1972, с. 278), или, возможно, сохранение группы *tort*, т. е. состояния до метатезы плавных в ряде слов в полабском и в некоторых кашубских говорах (полаб. *borna*, кашуб. *barna* и *brona*, русск. *борона́*) (Селищев, 1941, с. 424–425), в некотором отношении и отсутствие метатезы начального **olt-* в отдельных весьма немногочисленных словах в старославянском языке (*алдии, алкати*) (Ван-Вейк, 1957, с. 87), затем наличие в южнорусских говорах начального *e* в словах типа *есень* (ризанск. *есень*, *есеню*, тамбовск. *есенясь*)³.

На маргинальный характер реликтов **tort-*, **olt-* уже указывали некоторые исследователи. В частности, А. Лампрехт писал, что «особенно важное значение имеет для развития фонетической системы так называемая перестановка плавных». «Мы не будем заниматься этим вопросом в целом, — продолжает известный чешский диалектолог, — но обратим внимание только на типы *gard*, *starna*, встречающиеся в полабской и прибалтийской группе славянских языков... Эти сочетания гласных с сонантами сохранились на окраинах славянской территории, куда не проникли в такой степени общие тенденции развития славянской фонетической системы» (Лампрехт, 1956, с. 21).

Тем не менее тот же А. Лампрехт по поводу форм типа *gard* отмечал следующее: «Однако на все эти явления можно смотреть и с другой точки зрения. Сочетание *ar* сохранилось на той же самой территории и в соседних областях, где в немецком языке встречаются подобные сочетания, ср., например, слово *born*, возникшее из первоначального *brun*, сохранившегося в Южной Германии, путем перестановки. Слова *born* и *brun* находятся в том самом географическом отношении, что и слова *gard* и *grad* (*born : brun = gard : grad*). Нельзя исключать взаимные связи этих явлений. Их объяснение будет общей задачей специалистов по герман-

³ Относительно восточнославянских слов типа *ежевика*, *ёж*, *еще* и других см. полемику Г. А. Ильинского и Н. Н. Дурново в журнале «Slavia» (Praha, 1923, гоc. II, 2–3, с. 232–276; 1924, гоc. III, 2–3, с. 225–271; 1925, гоc. IV, 2, с. 389–394). Ср. также мнения П. Бузука и В. Волк-Левановича в кн.: Працы Акадэмічнае конфэрэнцыі па рэформе беларускага правопісу і азбукі. Мінск, 1927, с. 87, 93–94.

ской и славянской лингвистике» (Лампредхт, 1956, с. 21)⁴. Не лучше обстоит дело с аргументацией в пользу «современных»rudimentов праславянского начального **olt*- . Единственный пример с болгарской, как считали некоторые учёные, «редкой диалектной формой *alne* 'маленькая серна', которая непосредственно восходит к старославянскому *ални*» (Бернштейн, 1961, с. 223) принадлежит, надо полагать, к числу непреднамеренных мистификаций⁵. Не менее сомнителен и вопрос о подлинности старославянской формы **ални*⁶.

Перечисленные маргинальные факты неоднородны по своей сущности и достоверности. В некоторых случаях — это лишьrudimentы праславянского состояния, если они к таковым относятся (как примеры с *tort*- и *olt*-), которые встречаются изредка в единичных словах в отдельных кашубских говорах и старославянских текстах и не определя-

4 Этого же мнения придерживался и А. Вайан (Vaillant, I, p. 163).

5 Слово «алнē, алнēнце с. ум. стб. Аль рус. Лань сърнē. Насреща иде кощута, кощута с младо алненце» дано в словаре Ст. Младенова (Младенов, 1951, с. 69, без указания места записи и источника). В других словарях это слово нами не обнаружено. Предположение об общности корня и происхождения этого слова со старославянским **ални* повторил К. Мирчев (Мирчев, 1963, с. 138), а за Мирчевым С. Б. Бернштейн. Есть, однако, основания предполагать, что слово *алне* и рус. *лань* не родственны и что его не следует причислять к классу славянских слов с начальным **olt*-, так как оно может быть арготического происхождения. Ср. рус. «алынь, ѹ, с. ж. корова. Владим. Костр.» (Опыт, 1852), «алынь, и, ж. Корова. Какую пулил алынь. Какую купил корову. К. Кич. (с. Красное и с. Кичанзино)» (Бондалетов, 1965, с. 144). Число общих болгарско-русских арготических слов, по нашим наблюдениям, довольно значительно (*кензать* и т. п.). Ф. П. Филин считает недопустимым ставить арготическое слово *алынь* 'корова' в один ряд со старославянскими формами *алдии*, *алкати*, как это делал Л. П. Якубинский (см. Филин, 1962, с. 230–231).

6 Ст.-сл. **ални* фактически не существует; имеется лишь форма *мыни* в контексте «јдина ѡть мыниј сжштинѫ въ лађникъ въ пискоупи градѣ». С. Северьянов к этой форме дает следующее примечание: «мыниј ошибочное написание вместо ѿльниј, греч. τѡν ἐλάφων» (Северьянов, 1904, с. 232). Вероятно, это мнение слишком категорично. Достаточно достоверны лишь формы *алдии*, *алкати* наряду с *ладии*, *лакати*. Однако почти во всех грамматиках и руководствах по старославянскому языку и по сравнительной грамматике славянских языков форма *альни* приводится. Формы *алдии* и *алкати* в южнославянских говорах не обнаруживаются.

ют отношения кашубских или древнемакедонских говоров в целом (или даже их части) к другим славянским говорам, ибо ареалы этих явлений столь микроскопичны, что трудно говорить о их географической противопоставленности остальному славянскому миру.

В отношении случаев с «отсутствием» метатезы плавных в сочетаниях типа *tort* есть, кроме приведенного, и другие довольно хорошо аргументированные мнения, указывающие на вторичный характер этого явления (из *tɔrt*) (подробнее см. Бернштейн, 1961, с. 225).

В иных же случаях, таких как сохранение *tl*, *dl* в словенских корушских говорах, речь идет о соотношении небольшой окраинной зоны со всем западнославянским массивом. Споры ведутся лишь об одном: является ли это праславянскимrudimentом или западнославянским, хотя и достаточно древним, влиянием (ср. обратные случаи в ряде словацких говоров). Что касается примеров с рязанским *есень*, то они очень малочисленны и еще мало изучены (так же как и география рус. слов *ежевика*, *ожевика*, *аживика*, укр. *ожина*, белор. *ажына* и др.). В них можно предположить церковнославянизм, но трудно это доказать. Был бы полезен сбор нового диалектного материала. Существенное для поставленной проблемы наличие довольно большого чакавско-словенского (с добавлением относительно небольшого разреженного дробно-островногоrudimentarnого штокавского) ареала употребления приставки *vu-* (см. Белић, 1913; Ivić, 1956, S. 143–147), противопоставленногоциальному южнославянскому массиву и корреспондирующему с западно-восточнославянским массивом. Если бы примеры со словом *есень* были бесспорными, их ареальное соотношение было бы обратным соотношению приставок *vu-/iz-* — большой юго-западнославянский массив и малая, отнесенная далеко на восток, микроостровная восточнославянская зона.

Любопытно, что в западнославянском массиве из отмеченных фиксируется только одна черта (и то спорная) — отсутствие метатезы **tort* на кашубской территории. К ней можно прибавить, как будет видно из дальнейшего, полабское *-ika* вместо ожидаемой по прогрессивной палatalизации суффиксальной формы *-ica*. И это все. Почти все остальные перечисленные колебания (кроме еще случаев словацкого *dl > l*) относятся к южно- и восточнославянской территории, в том числе и факты единичного употребления

kl-, *gl*- в псковских говорах. Прежде всего, следует отметить особенности географии этих сочетаний. Они окраинны лишь для восточнославянского массива, а не для всего славянского диалектного континуума в целом. Их распространность на западно-северо-западной границе русского ареала дала повод ряду ученых считать это любопытное явление «ляжским» (Шахматов, 1915, с. 101) и даже балтийским (Ларин, 1960, с. 12–13). Есть также мнение, что псковское *kl*-, *gl*- — инновация (Борковский, Кузнецов, 1963, с. 95. См. разбор этой и других точек зрения в кн.: Филин, 1972, с. 272–278).

К числу других «непоследовательностей» и архаизмов, не носящих окраинного характера, следует отнести случаи отсутствия палатализации перед ё₂ задненебного *k* (и в сочетаниях *kv*-, *gv*-) у восточных славян и в суффиксе *-ika* у славян восточных и южных. Эти случаи во многом лексикализованы, т. е. связаны с конкретным не очень многочисленным кругом лексики, но и в таком виде они подчинены определенному, хотя и не очень четкому, географическому распределению.

Переход *kv*-, *gv*- в *sv*-, *zv*- не обнаруживается в таких словах, как *квет* (*твет* и т. п.), *квелый*, *квесть*, *огвездить* (последнее может быть и ономатопоэтического происхождения) в бывших губерниях Оренбургской, Вологодской, Псковской, Курской, Орловской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, к востоку от Москвы, на обширных территориях Белоруссии и Украины (Глускина, 1968). Такие факты толковались по-разному. С. Б. Бернштейн, Л. А. Булаховский, В. Курашевич и отчасти А. Вайан воспринимали это явление как полонизм (в первую очередь такие формы, как *квітка* и т. п.), А. А. Шахматов и М. Р. Фасмер видели в этих формах результат аналогии с формами **kvítq*, **kvísti*, А. М. Селищев в глаголах типа *kvíčati* — ономатопоэтический элемент, наконец, В. Поржезинский находил их архаическими, т. е. не пережившими палатализации (см. более подробное изложение взглядов ряда ученых у М. Юрковского: Jurkowski, 1963). Мнение В. Поржезинского поддержал М. Юрковский на основе тщательного рассмотрения примеров (Jurkowski, 1963, s. 60). Видимо, следует принять точку зрения В. Поржезинского и М. Юрковского с учетом, однако, того, что в украинских, белорусских и части южновеликорусских говоров могло отразиться и польское влияние (в таких словах, как *квітка* и т. п.). Мы наблюдаем, таким

образом, у восточных славян не до конца и непоследовательно прошедший переход **kv-*, **gv-* в *sv-*, *zv-*. Трудно, однако, солидаризироваться с высказанным З. Штибера мнением, что такого перехода у восточных славян вообще не происходило и что примеры с сочетанием *sv-*, *zv-*, прежде всего слово *цвет*, церковнославянского происхождения (Stieber, 1968). Судьба других церковнославянанизмов в русских народных говорах и особенно в говорах украинских и белорусских, в первую очередь ограниченная представленность (проникновение) их, свидетельствует против мнения известного польского слависта.

З. Штибер сопоставил и в каком-то отношении даже связал упомянутое явление с другим фактом — с фактом отсутствия в ряде слов палатализации *k* перед *ě₂* в северо-западных великорусских говорах, в говорах северных и к востоку от Москвы: *кедить*, *кеп*, *кеж*, *кепец* и т. д.⁷ Это явление действительно очень примечательно, но оно как раз говорит о том, что русским говорам свойственные и палатализованные, и непалатализованные формы: *кедушка*, *кедилка* — *це-дилка*; *кивец*, *кевина*, *кивца* — *цевка*, *цывца*; *кепец* — *цеп-ки*, *цылы*; *киповина* — *циповина* и т. п., причем семантика и характер большинства этих слов свидетельствуют о том, что палатализованные формы не могли появиться под церковнославянским влиянием. Что касается географии отсутствия палатализации *k* перед *ě₂*, то она тоже показательна. В общеславянском плане это явление не окраинно и не оказывается таковым даже в плане восточнославянском, так как распространено более всего в полосе переходных средневеликорусских говоров⁸.

⁷ См. факты в цитированной статье С. М. Глускиной и в Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., 1957, карты № 202–204).

⁸ Следует отметить, что ни одна из палатализаций в славянском мире не была проведена последовательно, с охватом всего словарного состава. Помимо случаев отсутствия результатов второй и третьей палатализации, о которых кратко речь шла выше, есть случаи отсутствия и первой палатализации, например, в украинском диалектном слове *гепа* 'задница' (см. словарь Б. Гринченко), или южно- и восточнославянск. *гега*, *геги* 'пастушеская палка', 'длинные ноги', 'кремень' (вопреки мнению В. Георгиева об албанском происхождении этого слова и Е. Смульковой — о балтийском). Подробнее см. в моих ответах на анкету (Толстой, 1971а, с. 78–79). Таким образом, в этом случае архаизмы наблюдаются в южно- и восточнославянском массивах. [См. также наст. изд., с. 197–226. — Прим. ред.]